

УДК 81-13

Теркулов В.И.
(Горловка, Україна)

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ИНДУЛЬГЕНЦИЯ: ГЛАВНЫЙ МИФ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

У роботі констатується невиправданість однієї з найпоширеніших індульгенцій для традиційних лінгвістичних теорій – тези про периферійність й позасистемність мовних фактів, що не піддаються опису й тому суперечать зазначеним теоріям. Замість цього пропонується методологія, заснована на поєднанні гносеологічних технік глосематики й когнітивно-комунікативного підходу.

Ключові слова: афікс, глосематика, когнітивно-комунікативний, номінатема, периферія, слово.

В работе констатируется неоправданность одной из самых распространенных индугенций для традиционных лингвистических теорий – тезиса о периферийности и внесистемности не поддающихся описанию и поэтому противоречащих данным теориям языковых фактов. Взамен этого предлагается методология, основанная на совмещении гносеологических техник глоссематики и когнитивно-коммуникативного подхода.

Ключевые слова: аффикс, глоссематика, когнитивно-коммуникативный, номинатема, периферия, слово.

The article based on statement of one of the famous ungrounded indulgences for the traditional linguistic theories, indefinite and that is why not under these theories lingual facts, which are periphery and out of system. The methodology, which is based on combination of the gnościological tactics, glossematics, cognitive and communicative approach, is proposed.

Key words: affix, glossematics, cognitive-communicative, nominatema, periphery, word.

Зачастую лингвисты вообще не задаются вопросом о методологической базе своего исследования, полагая, очевидно, что простое строгое следование фактам или традиционным (и оттого кажущимся очевидными, единственно верными и незыблемыми) постулатам обеспечит необходимый уровень “научности” и “объективности» их работы” [11: 46].

Винесенная в эпитаф фраза известного украинского лингвиста О. Лещака определяет одну из наиболее кризисных верификационных характеристик современной лингвистической методологии – она конвенциональна по своей природе, поскольку предполагает обычно не поиск решения сложных и противоречивых задач путем однозначной

© Теркулов В.И., 2011

трактовки однотипных фактов, а «простое строгое следование фактам или традиционным постулатам». Выпадение же факта из системы координат «традиционных постулатов» воспринимается как стимул не к созданию новой теории, не к коррекции взглядов, а к сотворению «индульгенций» для своих убеждений.

Одной из таких индульгенций является утверждение о том, что в системе языка есть не только центр, но и периферия, на которой будто бы отмечаются переходные явления, не подпадающие под действие закономерностей, обязательных для центра. При этом понятие «периферия» для системы языка остается не определенным – это тоже «традиционный постулат». Напомню, что периферия в других науках – это чаще всего не зона лабильности, не зона проявления внесистемных явлений. Она обычно определяется через маркер «управляемое» в дихотомии «управляющее» – «управляемое». В компьютерной технике, например, – это внешние устройства, действия которых управляются программами компьютера (центра), в экономической теории – это организации или учреждения, находящиеся на местах, но управляемые из центра и т.д. Иначе говоря, периферия может существовать только в том случае, если она подчиняется центру. И только в языкознании это не управляемая центром сущность, а вместилище всех фактов, которые не могут быть интерпретированы через сложившееся у ученого представление о системе языка, своего рода «внесистемная» часть системы. Например, существование безаффиксных существительных типа *лёт*, *ход* противоречат нашей убежденности в том, что все производные существительные должны иметь словообразовательный аффикс. Поэтому в большинстве исследований и вводится понятие «находящегося на периферии языковой системы» нулевого аффикса – странного явления, противоречащего самой природе знака, который, как известно, выступает в качестве **материально-идеального** образования, репрезентирующего предмет, свойство и т.д. Аффикс является знаком-маркером, указывающим на конструкт семантики производной номинативной единицы. Это предполагает, что его план выражения является элементом, субституирующим указанный конструкт, причем эта способность к субституции и является **сущностью** знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, и, следовательно, **отсутствует и сам знак**.

Это не смущает ученых – они считают, что оправдать отсутствие плана выражения у знака можно за счет констатации того, что знак данного типа находится на периферии системы. При этом существование нулевых аффиксов обосновывается не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лакун: «Под нулевой суффиксацией понимается нами показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований» [12: 102]. Иначе говоря, у слова, например, *ход* выделяют нулевой суффикс только потому, что суффикс есть в других номинатах, образованных от глагола *ходить* и имеющих тождественное или близкое значение слову *ход* (*хождение*, *ходка*).

Как известно, система – это «объединение некоторого разнообразия в единое и чётко расчленённое целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места» [6]. Следовательно, если какой-то факт системы противоречит нашему представлению о ней, виновата в этом не она, а именно наше представление. В этом случае нужно хотя бы попытаться поискать другой подход к определению

нию статуса этого «внесистемного» факта в системе. Если говорить о нулевых аффиксах, следует констатировать возможность иной интерпретации статуса отглагольных имен со значением процессуальности, устраняющей необходимость выведения данного феномена и, следовательно, апелляции к «внесистемной периферии».

Напомню, что deverбативы чаще всего трактуют как производную номинацию «с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так частично и в синтаксическом плане» [8, с. 84]. Уже здесь констатируется наличие признаков глагольности у номинатом данного типа. На мой взгляд, именно глагольные семы процессуальности являются не просто превалирующими, а базовыми в семантике указанных имен. Меня не устраивает определение отглагольных существительных как единиц «со значением опредмеченного процесса действия» [15], поскольку само понятие «опредмеченного процесса действия» не может быть определено. Как справедливо пишет О. В. Блюмина, «действие не может являться предметом» [2: 141]. Именно в работе последней предлагается иной путь трактовки «безаффиксного словопроизводства», по крайней мере, для зоны образования deverбативов. Как считает О. В. Блюмина, «разница между значением глагола и существительного со значением процессуальности является только **синтаксически обусловленной**» [2: 141]. Вполне очевидно, что отглагольное имя и глагол обозначают одно и то же: и *ходить* и *ход* указывают на процесс хождения, и *лететь* и *лет* – на процесс полета и т.д. Различие состоит только в статусе процесса в пределах предложения, вербализующего гештальт. Если глагол выполняет функцию целостной объективации последнего, то имя указывает только на актанта этой целостно объективированной глаголом ситуации. Например, во фразе *Он полетел в Киев* глагол *полетел* является обозначением гештальта с объективированными в пределах фразы гештальт-агентом (по Дж. Лакоффу – ответственным за возникновение ситуации [10: 161]) *Он* и аллативом *в Киев*. В предложении же *Полет проходит нормально* имя *полет* выполняет функцию гештальт-агента, а в предложении *Он думал о полете* – каузатива действия и т.д.

Однако «синтаксическая позиция не является компонентом ономаσιологической структуры номинатемы – микрознака. Она настроена на реализацию номинативного значения макрознака – предложения. Поэтому deverбативный <...> субстантив является, в сущности, именной глоссой глагольной номинатемы, приспособленной для реализации его макрознаковых функций» [2: 142]. Этот, на первый взгляд, парадоксальный вывод позволяет, во-первых, отказаться от придуманной и абсолютно неприемлемой трактовки семантики deverбатива как семантики опредмеченного действия и констатировать возможность обозначения существительным чистого действия, а во-вторых, определить процесс образования отглагольных имен не как деривацию, а как формообразование. В этом же случае следует говорить уже не о словообразовательных, а о формообразовательных аффиксах, каковыми у имени являются именно **флексии**. Напомню, А.И. Смирницкий, который, правда, считал образование имен данного типа конверсией, утверждал, что «данный тип деривации» отличает полная замена системы грамматических аффиксов [16]. Уточним только – не деривации, а именно формообразования, поскольку смена парадигмы свидетельствует только о смене грамматического (в данном случае – синтаксического) значения. Словообразовательный аффикс здесь просто не нужен – он не несет в себе никакого значения. А если нет ни формы, ни значения – нет и знака.

Утверждение необходимости разного подхода к трактовке фактов центра и периферии языковой системы является индульгенцией для любой противоречивой «теории». Все ее противоречия можно списать на «периферийность» и «переходность» не поддающихся верификации явлений. Но такой подход ставит под сомнение научность лингвистики. Если можно доказать все, а то, что не доказывается, объявить переходным и периферийным, то все правы, а значит не прав никто.

На мой взгляд, нужно отказаться от деления языка на центр и периферию. Язык непротиворечив. Просто, мы еще не смогли, отчасти из-за того, что свято верим в «языковедческие индульгенции», осознать эту непротиворечивость.

Что же можно предложить взамен? Я предлагаю вернуться к верификационным методикам глоссематики, которая вывела три критерия истинности лингвистической теории. Напомню, что это принципы **непротиворечивости, исчерпываемости и простоты**. Все три принципа поддерживают нашу гипотезу о целостности языковой системы. Непротиворечивость требует отказа от формулировок, которые не поддерживают единообразного описания однотипных языковых фактов. Исчерпываемость предполагает охват одной трактовкой всех однотипных фактов системы. При таком подходе теория находит свое воплощение и «в центре» системы, и на ее «периферии», и не допускает никаких исключений из себя. Обнаружение исключений является сигналом неправильности либо трактовки факта, либо самой теории. Отсутствие исключений позволяет сформулировать теорию с использованием минимального числа аргументов, что и обеспечивает ее простоту.

Единственное, что я бы добавил здесь – собственно языковые критерии истинности. Перечисленные выше принципы являются только гносеологическими техниками, которые в некоторых случаях могут поддерживать не одну, а две и более теории. Глоссематика предлагает в таких ситуациях использовать для определения «более правильной» теории принцип простоты: «Если несколько методов представляют в равной степени простые описания, должен быть выбран тот метод, который приводит к конечным результатам путем наипростейшей процедуры» [7: 278]. Однако мне данная тактика кажется неубедительной, поскольку не учитывает особенностей существования языка как самонастраивающейся системы. Я считаю, что любое явление будет трактовано правильно, если указанные гносеологические техники поддержаны непротиворечивостью, исчерпываемостью и простотой когнитивно-коммуникативного описания языка. Как писала Е. С. Кубрякова, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [9: 16]. Иными словами, предтеорией для любого лингвистического построения должна быть когнитивная теория, определяющая базовые параметры процесса и результата означивания. Мною выделяются два когнитивно-коммуникативных параметра верификации явления, которые формируют единое представление о когнитивном статусе той или иной языковой сущности. Это а) место явления в дихотомии «языковая номинация – речевая номинация», определяющее его участие в тема-рематической интерпретации ситуации, и б) статус описываемого явления в мотивационных процессах (внешняя – внутренняя мотивация).

Наиболее четко эти принципы проявляются в теории номинатемы как базовой номинативной единицы языка. Как известно, традиционная лингвистика в основном считает

таковой слово. Однако многочисленные попытки толкования этого понятия пока не привели к успеху. Традиция предполагает, что слово – это «живой психологический факт, и он может, даже вопреки действительности, представляться как первосущность» [14: 94]. Еще в 1925 году М.Н. Петерсон писал: «Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать. <...> Слово – такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а поэтому приходится пользоваться простым указанием или описанием» [13: 23]. Как видим, абсолютизация слова – это тоже «простое строгое следование фактам или традиционным постулатам».

Если же подходить к слову с точки зрения указанных выше когнитивных критериев истинности, следует констатировать, что оно может быть определено только как одно из речевых воплощений номинатемы. Доводы здесь таковы.

1. Номинация понимается мною как выбор из возможных модификаций языковой номинативной единицы (языковая номинация) для реализации интенций конкретной коммуникативно и когнитивно обусловленной речевой ситуации именованного (речевая номинация). Модель номинации представляется следующим образом: на уровне языка существует инвариантная номинативная единица, имеющая инвариантное общее значение (тема), которое реализуется и актуализируется в речевом варианте данной единицы (рема).

Инвариантное значение этой единицы определяется мною как концепт в том понимании, которое предлагается Л.П. Бабушкиным. Последний рассматривает его «не в виде когнитивных процессов, а в качестве основного содержания тех или иных семем», которые и являются «содержанием слова» [1: 30]. Процесс речевого означивания на базе языкового инварианта всегда имеет вид рематической актуализации последнего в связи с целями номинации. Именно различие целей и формирует лексико-семантическую вариативность номинативной единицы – номинатемы. Существует два типа актуализации инвариантного концептуального значения номинатемы в ее лексико-семантических вариантах: семная актуализация с сохранением денотата (денотация), и абсолютизированная семная актуализация с замещением денотата (коннотация).

Сущность денотации состоит в том, что инвариантное значение реализуется в речи в виде «актуального смысла номинатемы», под которым понимается «актуально значимая часть системного значения языкового знака, актуализировавшаяся в данных коммуникативных условиях» [4: 14]. Например, значение номинатемы *Дом* «строение» может быть реализовано и с актуализацией семы «жилище» («*мой дом открыт для всех*») и с актуализацией семы «строение» («*у дороги стоял странный дом*») и т.д.

В тех же ситуациях, «когда слово, не теряя прежней связи с денотатом, получает и новую связь, с новым денотатом» [3: 19], что отмечается, например, в случае сосуществования значений «хищное млекопитающее семейства псовых» и «хитрец» у слова *лисица*, речь идет о замещении денотата – коннотации. Здесь имеет место образ, возникающий путем отождествления, при котором один из отрезков действительности (в нашем случае – «человек») воспринимается как другой отрезок действительности (в нашем случае – как «животное») целостно – он не в онтологической, но в лингвальной реальности **как бы лисица**. Конечно же, образное отождествление осуществляется на основе актуализации семы «хитрый», однако это не перенос по сходству, декларируемый семантическим словообразованием, а образное представление одного другим, мотивированное семной актуализацией с замещением денотата.

Семантическое тождество номинатемы поддерживается еще и ее формальным тождеством, выступающим в виде формальной связанности её реализаций глосс. Формально связанные единицы, реализующие семантическое тождество во всех его разновидностях, и будут считаться мною речевыми субстантивными разновидностями номинатемы.

2. Явление мотивированности описывается мною с точки зрения тех механизмов, которые обеспечивают акт номинации. Я различаю два типа мотивации – **внутреннюю**, отмечаемую при модифицировании единого номинативного инварианта – номинатемы – в речи в её глоссах, и **внешнюю**, отмечаемую при образовании новых номинативных единиц. Как было показано выше, именно внутренняя мотивированность глосс одной номинатемы и обеспечивает ее тождество самой себе во всех своих реализациях. Любая глосса номинатемы, актуализирующая в речи инвариантный концепт и находящаяся в рамках формальной взаимосвязанности с другими воплощениями этого концепта, внутренне мотивирована номинатемой и находится в пределах ее тождества. Номинативный инвариант, следовательно, должен трактоваться как некая абстрактная сущность, отвлеченная от своих реализаций, но одновременно с этим представляющая то общее, что в той или иной степени в них присутствует.

Объединение глосс в лексему обычно осуществляется на основе методологически необоснованного априорного ограничения реализаций последней только однословными единицами. Однако ограничение манифестаций одной номинатемы только словами представляется мне неубедительным – в речи границы семантического и формального тождества единой номинативной единицы преодолевают пределы реестра слов, которые с ней эмпирически связываются в сознании носителей языка. Отождествление языковой «унифицирующей» единицы со словом есть не что иное, как дань эмпирической очевидности слова. Основная номинативная единица всегда находится на границе между собой и не собой. А это значит, номинатема может быть реализована как в слове, которое в данном случае определяется только как минимальная речевая модификация номинатемы, способная самостоятельно реализовать ее инвариантное значение, так и в словосочетании, и сочетании полнозначного слова со служебным. Покажем это на примерах.

Продуцирование словосочетаний имеет в своей основе актуализацию тех или иных семантических множителей главного слова в зависимом, которое при такой трактовке становится вербализованным компонентом семантики главной леммы. Например, в словосочетаниях *смелый человек, высокий человек, красивый человек* и т.п., имеющих тождественный референт, слова *смелый, высокий, красивый*, указывающие только на различные характеристики этого референта, являются актуализаторами семного наполнения семантических множителей «характер», «фактура», «эстетическая оценка» значения слова *человек* как базовой единицы номинации. Это и позволяет предположить, что указанные словосочетания являются многословными речевыми аналитическими лексико-семантическими вариантами номинатемы *человек*. Следовательно, словосочетание находится в сфере семантического тождества номинатемы со словесной доминантой, потому что его значение представляет собой именно актуализированную семантику исходной леммы. Оно имеет статус **аналитического денотативного лексико-семантического варианта номинатемы со словесной доминантой**.

Как известно, «служебные слова лишены номинативной функции и относятся к миру действительности через посредничество слов-названий» [5: 40]. Но в этом случае мы

должны констатировать монолитность номинативной функции сочетания знаменательного слова со служебным. Иначе говоря, предлог, например, *за* самостоятельно не выполняет номинативной функции. Он становится номинативной единицей лишь в сочетании со знаменательной лексемой, например, в сочетании *за домом, за лесом за стеной*, актуализируя локативный статус последней. Если же служебное слово самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного указывает на грамматическое значение знаменательного, следует определить сочетание такого служебного и такого знаменательного слов лишь как **аналитический грамматический вариант знаменательного слова**.

Сказанное выше не позволяет не только ограничивать круг манифестаций номинативной единицы только словами, но и использовать для ее обозначения термин «слово». Мы заменяем его на более точный термин «номинатема». Такой вывод основывается на применении разработанной нами методики верификации, совмещающей гносеологические техники глоссематики с установками когнитивно-коммуникативного подхода. Опыт показал, что данная методика может обойтись без индультентных и абсолютно непроверенных тезисов о различии интерпретации центральных и периферийных языковых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
2. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.02 – русский язык. / О. В. Блюмина. – Горловка, 2011. – 341 с.
3. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – 3-е изд. – М. : УРСС, 2004. – 408 с.
4. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебн. пособие [для лингвистов] / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
5. Виноградов В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1944. – Том 3, Вып. 1. – С. 31-44.
6. Губский Е. Ф. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 1997. – 576 с.
7. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 464 с. – С.264-389.
8. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
9. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.
10. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – С.350-368.
11. Лещак О. В. Очерки по функциональному прагматизму : методология – онтология – эпистемология / О. В. Лещак. – Тернополь-Кельце, 2002. – 255 с.
12. Марков В. М. Явления нулевой суффиксации в русском языке / В. М. Марков // Избранные работы по русскому языку. – Казань, 2001. – 274 с.

13. Петерсон М. Н. Русский язык : [пособие для преподавателей] / М. Н. Петерсон. – М.; Л. : Госиздат, 1925. – 123 с.
14. Пешковский А. М. В чем, наконец, сущность формальной грамматики // Избранные труды / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 74-100.
15. Пономарева Л. Ф. Семантические ограничения в deverбативном словопроизводстве класса глаголов деятельности / Л. Ф. Пономарева, Л. Т. Штефан. – Режим доступа : <http://www.rusnauka.com>
16. Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередования звуков в английском языке / А. И. Смирницкий // Иностр. яз. в школе. – 1953. – № 5. – С. 20–31.
17. Солнцев А. В. Виды номинативных единиц / А. В. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 133-137.

УДК 811.23.22

Литвинникова О.И.
(Каменец-Подольский, Украина)

ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

Стаття вміщує синхронний опис найменувань людини в російській діалектній мові похідними іменниками спільного роду, виконаний на основі живих зв'язків одиниць мотиваційних пар. Виділено інвентар афіксів, задіяних в утворенні названих дериватів, виявлено ступінь їх словотворчої активності.

Ключові слова: *діалектна мова, номінація, іменник, дериват, похідне, словотворча структура, мотиватор, суфікс.*

Статья содержит синхронное описание наименований человека в русской диалектной речи производными именами существительными общего рода, выполненное на основе живых связей единиц мотивационных пар. Выделен инвентарь аффиксов, задействованных в создании названных дериватов, показана степень их словообразующей активности.

Ключевые слова: *диалектная речь, номинация, имя существительное, дериват, производное, словообразовательная структура, мотиватор, суффикс.*

The article contains the synchronous description of the name of the person in Russian dialect speech by derivative nouns of the common gender, executed on the basis of live relations of the units of motivational pairs. The stock of the affixes occupied in creation of named derivatives is allocated, their degree of word-building activity is shown.

Key words: *dialect speech, nomination, a noun, a derivate, word-formation structure, a motivator, a suffix.*

© Литвинникова О.И., 2011